

рым говорящий стремится привлечь (как уже отмечено выше, обычно такая пропозиция либо полностью, либо частично идентична буквальному пропозициональному содержанию);

второй шаг — определить наиболее сильную иллокутивную цель, к достижению которой на пропозиции *P* говорящий стремится в данном контексте высказывания. Заметьте, что такая иллокутивная цель должна с необходимостью существовать в любом случае задействования максимы количества, соотношенной с пропозицией какого-либо контекста высказывания, так как именно достижение иллокутивных целей входит в качестве существенного свойства в общее значение говорящего при производстве речевых актов;

третий шаг — не прямой речевой акт произнесения является иллокутивным актом логической формы $F(P)$. Иллокутивная сила на этом речевом акте может быть достигнута посредством дополнения к исходной (наиболее простой) цели, определяемой некоторой иллокутивной целью, всех специальных (буквальных и небуквальных) компонент иллокутивной силы, которые в пределах данного высказывания детерминируют очевидную выполнимость относительно пропозиции *P* условий успешности и бездефектности производства иллокутивного акта.

С помощью аппарата иллокутивной логики легко доказать существование и уникальность (несводимость друг к другу) типов иллокутивных сил. Нетрудно показать также, что результирующий косвенный речевой акт является наиболее слабым небуквальным иллокутивным актом, для которого могут быть специфицированы все релевантные условия успешности и бездефектности производства речевых актов. Более того, можно доказать и то, что такой не прямой речевой акт будет обладать требуемой (ни большей, ни меньшей) для достижения говорящим в контексте произнесения всех небуквальных лингвистических целей силой.

Еще раз обратимся к типичной обеденной ситуации, в которой говорящий непрямо просит слушателя передать ему соль посредством вопросительного предложения: «Не могли бы Вы передать мне соль?». Ясно, что в этой ситуации часть общего фонового знания включает следующие факты: говорящий хочет, чтобы слушатель передал ему соль, слушатель в состоянии передать говорящему соль и говорящий, производя попытку заставить слушателя передать ему соль, одновременно предоставляет слушателю возможность отказаться. Отсюда понятно, что пропозициональное содержание не прямой просьбы (чтобы слушатель передал соль) является частью буквального пропозиционального содержания (тре-

бующей ответа слушателя на заданный вопрос). Заметим также, что эта косвенная просьба является наиболее слабым директивным иллокутивным актом. Этот директивный акт специфицируется таким небуквальным пропозициональным содержанием, которое характеризуется небуквальными подготовительными условиями и условиями искренности, а также небуквальным способом достижения иллокутивной цели. Именно на эти небуквальные условия и способ достижения иллокутивной цели, входящие соответственно в факты разговорного фона, и полагается говорящий, формируя косвенную просьбу.

Ясно, что не прямой речевой акт более важен, чем буквальный, так как если он выполняется (т. е. если слушатель передает соль в силу того, что его об этом просит говорящий), то тем самым дается ответ и на буквальный вопрос. И наконец, допустив, что в данной речевой ситуации не имеется никаких других релевантных для разговорного фона фактов, мы тем самым блокируем возможность предположения, что в этой ситуации производится другой более сильный директивный иллокутивный акт.

Д. Апотелоз

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ И РЕФЕРЕНЦИЯ *

ВВЕДЕНИЕ

Что происходит, когда говорящий готовит высказывание, предназначенное для воздействия на восприятие слушателя или для того, чтобы вызвать его отношение к этому сообщению? Сомнительно, что таким образом сформулированный вопрос не имеет смысла, ведь насколько многочисленными и сложными являются механизмы подготовки высказывания. Существует несколько подходов, которые позволяют избежать априорности в анализе такого типа проблемы, и прежде всего генетический подход, в рамках которого искомые отношения выявляются именно в контексте рассмотрения процесса их формирования.

Я предполагаю здесь представить несколько моментов, связанных с развитием языка ребенка, и показать, что эти моменты могут быть интересны для философии языка. Действительно, я убежден, что любая рефлексия о языке (и дейст-

* Перевод с французского М. В. Гусевой и И. В. Полякова.

виях, которые ее опосредуют, — коммуникации, репрезентации, когнитивных процессах) в известной мере обогащается, когда учитывается его генезис, причем именно в онтологическом смысле этого термина. В рамках этой программы я действовал бы двумя способами. Я исследовал бы сразу три проблемы: (1) происхождение коммуникативного треугольника, (2) онтогенез каузального и инструментального падежей, (3) онтогенез референции.

Эти три вопроса касаются фактически наиболее простых аспектов языкового поведения, да, пожалуй, и его глубинного основания.

Мое изложение ограничится главным образом рассмотрением двух феноменов, выявленных при исследовании языкового периода и в начальной стадии освоения языка.

В дальнейшем я попытаюсь, отходя от этого исследования, предложить несколько идей о понятии языка, а также об отношении между языком и когнитивными процессами.

1. СТРОЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Речь идет об отношении, подобном треугольнику, между говорящим, его собеседником и объектом (референтом), по поводу которого осуществляется коммуникация.

С точки зрения говорящего, можно считать, что это отношение предполагает возможность установления одновременно двойного взаимодействия: между говорящим и слушающим, с одной стороны, и между говорящим и референтом — с другой. Изучение языкового развития ребенка показывает, что эта возможность появляется только к концу первого года его жизни.

Действительно, авторы многочисленных работ приходят к единому мнению, что коммуникативные способности ребенка претерпевают к девяти месяцам исключительно важные изменения. Изменения можно описать, отходя от схемы, предложенной в свое время Э. Батэ¹.

Представим себе ребенка, находящегося вне опасности, который обратил внимание на некий объект. До девяти месяцев, если ребенка привлекает объект и ему кажется, что этот объект должен стать его собственностью, его поведение

¹ См.: Bates E., Benigni L., Bretherton I., Camaioni L., Volterra V. The Emergence of symbols: Cognition and communication in infancy. N. Y., 1979.

целиком ориентировано на достижение своей цели (попытка достать объект, разнообразная жестикация, вокализация и т. д.). Когда эти усилия оказываются определенно не имеющими успеха, его внимание направляется на другой объект или событие непосредственного контекста ситуации, или на взрослого, которому он в случае необходимости выказывает знаки неудовольствия. Но в любом случае для достижения своих целей ребенок и не попытается использовать в качестве посредника взрослого человека. Его внимание остается прикованным или к объекту, или к взрослому, причем один из двух элементов этого микрокосма так или иначе используется: объект — чтобы завладеть вниманием человека, человек — чтобы завладеть объектом.

Все это происходит так, как будто ребенок боится этих отношений с окружающей средой, взятых в отдельности: взаимодействия либо с неживой природой, либо с социальной средой.

Однако после девяти месяцев в той же ситуации это поведение изменяется весьма заметным образом. Эти изменения вызываются, в частности, двумя причинами. Во-первых, ребенок будет направлять свой взгляд поочередно то на желаемый объект, то на взрослого, и это будет происходить параллельно с его попытками завладеть предметом. Во-вторых, речевые сигналы, сопровождающие эти попытки, выражаются уже иначе. Если раньше их изменение в течение эпизода казалось принципиально зависящим от достижимости цели, сейчас оно все больше и больше зависит от поведения в этой ситуации взрослого, находящегося рядом. Более того, эти сигналы начинают превращаться в ритуал: они становятся короче, регулярнее и постояннее. Это происходит в тот же период, когда по крайней мере в определенных ситуациях, жест хватания теряет свое качество «аутентичной» попытки, чтобы стать только демонстрацией усилия и в дальнейшем (как показал Брунер²) трансформирующегося в сигнал. Эти изменения побуждают нас считать, что отныне ребенок представляет себе существование отношений между желаемым объектом, взрослым человеком, жестовыми и речевыми сигналами, которые он производил. Тривертен и Габлей квалифицировали эту новую форму взаимодействия как «вторичную интерсубъективность»³.

² См.: Bruner J. S. On prelinguistic prerequisites of speech // Recent advances in the psychology of language: Language development and mother-child interaction. N. Y., 1978. P. 199—214.

³ Trevarthen C., Hubley P. Secondary intersubjectivity: Confidence, confiding and acts of meaning in the first year // Action, gesture and symbol: The emergence of language. L., 1978. P. 183—229.

С. Бате и его последователи этот тип поведения ставят в тесную взаимосвязь с социальными и инструментальными процессами. Это позволяет ребенку приступить к двум видам действия, а именно:

1) к преднамеренному использованию человека в качестве средства достижения цели, несоциальной по своей сути (обладающей объектом т. п.);

2) к преднамеренному использованию объекта или случая как несоциального средства реализации социальной цели: усиление внимания к референту.

С точки зрения языкового поведения первый вид действий (от человека к объекту) вызывает речевые сигналы, которые можно определить как прото-предписания; второй вид (от объекта к человеку) — как прото-высказывания. Эти образы действий предполагают в то же время возможность постижения замысла и отличения от него реализации, подчиняющейся промежуточному замыслу. Сейчас уместно коротко изложить некоторые результаты, выявленные Пиаже на основе анализа инструментального и каузального падежей.

2. ОНТОГЕНЕЗ КАУЗАЛЬНОГО И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ

Известно, что простейший мир грудного ребенка не состоит из постоянных и устойчивых объектов. Когда последние исчезают из поля его восприятия, маленький ребенок ведет себя так, как если бы они фактически перестали существовать. Качество объектов, которые он открывает с помощью различных свойств восприятия (визуальных, слуховых, тактильных и др.), не расположены в общей и гомогенной зоне: они целиком зависят от позиции и движения субъекта и индифферентны по отношению к собственному действию объекта. Например, когда субъект, как говорит Пиаже, объединяет, не зная того, определенные качества внешней среды с теми, которые зависят от него самого⁴. Эта путаница (в онтологическом смысле) внешних и внутренних процессов исключает любые понятия о каузальности или инструментальности, если это не касается формы чувства, связанной с текущей деятельностью.

С развитием координации между хватательными жестами и движением глаз (III период), объект для ребенка приобретает начальную форму стабильности, которая остается,

⁴ См.: Piaget J. La construction du réel chez l'enfant. Neuchâtel, 1937.

однако, связанной исключительно с действием. Интерес ребенка (в плане каузального отношения) проявляется в форме систематического изучения результатов движения его рук или ног, тогда как раньше ощущение эффективности возникало только в связи с результатом действия. Сейчас же причина действий представляет собой стремление углубиться в себя (как замысел, предшествующий осуществлению). Однако когда благодаря жесту ребенок добивается желаемого результата, который он хочет воспроизвести, он довольствуется повторением тех же движений, не удостоверившись в наличии физического контакта с элементами ситуации. Он, следовательно, сообщает действительность жесту, насколько это требуется, независимо от контакта и путем простого совпадения его собственных движений и движений во внешней среде. Он продолжает в том же духе, когда пытается принять участие в деятельности другого человека, так как люди не представляют еще для него самостоятельных каузальных центров.

С девяти месяцев (IV период) ребенок уже перестает считать свои собственные действия единственным источником каузальности и начинает признавать за объектами и другими людьми присущую им активность. Отныне он в состоянии отталкивать руку взрослого, когда она препятствует доступу к желаемому объекту или, наоборот, пользоваться ею как посредником, например подталкивая руку, чтобы она коснулась объекта. Следовательно, здесь уже налицо подгонка средств к целям, а также объективация и последовательное «опространствование» каузальности, иначе говоря рудиментарная форма инструментального поведения. Но если ребенок еще не стремится систематически добиваться желаемого результата, то он уже наделяет объекты и людей каузальностью, ранее относимой к своей собственной деятельности. Он ограничивается лишь началом действия, которое он вызывает, и, видимо, считает часто непредвиденным то, что наблюдает. Лишь в начале второго года (V период) объекты для ребенка приобретают неизменность, физическую идентичность. Отныне отделенные от действия субъекта и полагаемые постоянными сущностями они становятся автономными центрами активности и могут поэтому считаться «поддержкой» лишь внешних каузальных отношений. Именно в этот период фиксируется отношение устойчивого подчинения одного объекта другим, названное здесь отношением «поддержки» (добиться поддержки, чтобы достичь объекта, расположенного вовне). Значит, взрослый человек должен уже казаться целиком автономным источником действий.

ребенок протягивает взрослому объект, который желает получить, или показывает на объект пальцем, если тот очень удален, и т. д. Словом, отныне мир является ребенку сконструированным; в нем каузальность объективирована и «опространственна», а действия ребенка включаются в ряд других причин и повинуются вместе с ними одним и тем же законам.

3. ОНТОГЕНЕЗ РЕФЕРЕНЦИИ

Я буду использовать термин «референция» не для того, чтобы обозначить свойство или функцию знака, как это делает классическая семиологическая теория; но чтобы обозначить особый тип отношений. Я утверждаю, что в наиболее глубоком смысле референция является сначала возможностью, которая проявляется во взаимодействии, и что она касается каждого действия, имеющего целью достичь того, (1) чтобы собеседник направил свое внимание на объект или определенное событие, и (2) чтобы этот результат был признан обоими партнерами. Речь идет, следовательно, о социальном и законченном отношении, причем финальность является не чем иным, как определенным состоянием интересуальности. При таком подходе несущественна точная природа этого отношения и средств, которые пускаются в ход — мимической жестикуляции, вокализации или слов родного языка. Именно в таком плане, вдохновившись работами Выготского, Брунер⁵ размышляет о психологических аспектах референции. Он выделяет три аспекта, а именно:

1) обозначение, которое соотносится с действиями, связанными с жестами, позами и голосом, использованными для привлечения внимания партнера к объекту, событию или ситуации;

2) дейксис, который связан с использованием пространственных, темпоральных и межличностных характеристик ситуации как поддержки обоюдного регулирования внимания;

3) наименование, которое связано с использованием, помимо прочего, лексических стандартов.

Брунер замечает, что с четырех месяцев ребенок способен проследить направление взгляда другого человека и поэтому можно считать поведение первичной формой обозначения.

⁵ См.: Bruner J. S. From communication to language: A psychological perspective // *Cognition*. 1974-1975. Vol. 3. P. 255-287; *Idem*. On prelinguistic...; Ninio A., Bruner J. S. The achievement and antecedents of labelling // *Journal of child language*. 1978. Vol. 5. P. 1-15; Scaife M., Bruner J. S. The capacity for joint visual attention in the infant // *Nature*. 1975. N 253. P. 265-266.

Оказываясь в ситуации «лицом к лицу» с другим человеком, восьмимесячный ребенок прослеживает (почти в 70 % случаев) направление взгляда взрослого, если последний после установления визуального контакта направляет свой взгляд в сторону. Кажется, что ребенок очень хорошо владеет способностью сделать так, чтобы направление его внимания совпало с направлением внимания взрослого, т. е. использовать внешнюю референцию, чтобы ориентироваться (пространственный дейксис).

Последователи Брунера⁶ изучали различные источники референциальной коммуникации. Раннее развитие феномена совмещения визуального внимания ведет к пересмотру понятия эгоцентризма, который исследовал Пиаже (впрочем, так же, как и понятие неизменности объекта). Эти наблюдения вызывали и вызывают споры о необходимости ввода социального или меж-психологического измерения в рассматриваемые эксперименты. Речь идет, как известно, об одном из центральных положений работ Выготского и его школы. Важно отметить, что проблемы, связанные с использованием референции, вновь возникают на совсем другом уровне, но намного позднее, когда изучается развитие вербальной практики ребенка.

Построение последовательной речи предполагает способность действовать в соответствии с любым видом внутренней референции речи (анафоры). Мы имеем в виду условие, необходимое для ее непрерывности и монолитности⁷. Но во многих работах показано, что использование прономинальных анафор создает значительные трудности для ребенка вплоть до 8 или 10 лет, т. е. возраста, начиная с которого он оставляет на своей речи сильный отпечаток внешнего референциального значения⁸. Эта трудность оказывается особенно значительной в начале обучения письменному языку. Если в действительности контроль над языковой деятельностью может, в устной форме, опираться каждый раз на развитие ситуации — и в соответствии с ней функционировать — он требует в качестве реванша, в письменной форме, освобождения от ситуации и от ее языковой переработки,

⁶ См.: Butterworth G., Grover L. The origins of referential communication in human infancy // *Thought without language*. Paris, 1987.

⁷ См.: Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. L. 1976.

⁸ См.: Hickmann M. Fonction et contexte dans le développement du langage // *Langage et communication à l'âge pre-scolaire*. Rennes, 1984. P. 25-27; Karmiloff-Smith A. The grammatical marking of thematic structure in the development of language production // *The child's construction of language*. L., 1981. P. 121-147.

Значит, ребенок должен учиться контекстуализировать свою устную речь в такую же письменную речь. Это и есть одна из важнейших функций внутренних референций.

4. УСВОЕНИЕ ЯЗЫКА И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Факты, изложенные выше, показывают, что любая попытка дать чисто лингвистическое объяснение процесса развития языка (например, начиная с размещения его в контексте «специфически предорганизованный ментальный орган» и «языковая ввод-информация») обречена на провал. Причина этого видится в вычленении ситуации обучения из социального контекста, что и приводит к постулированию существования врожденных механизмов освоения языка⁹.

Брунер ставит под сомнение экспликативное значение основных положений концепции Хомского, считающего, что усвоение родного языка невозможно без опоры на определенное основание для практического познания intersubjectных отношений, т. е. без реструктурирования социальных отношений. Эта позиция близка к позиции Виттгенштейна¹⁰, который упрекает святого Августина в том, что тот писал об усвоении языка ребенком так, как будто он приходит в мир, не понимая языка, т. е. как будто он уже знал язык, но не этот, или — используя выражение Виттгенштейна — как будто он уже осознал «функционирование языка».

Один из элементов этого реструктурирования, без сомнения, входит в структуру коммуникативного треугольника, т. е. в структуру возможностей координировать два типа взаимодействия: с референтом и с человеком. Более того, в той мере, в какой подобно сказанному выше эта возможность оказалась объединенной с первыми семиотизированными формами поведения, можно думать, что в координации этих двух типов отношений в качестве первой утверждается определение того, что есть язык. Впрочем, надо заметить, что в своей совершенной форме естественные языки обладают структурами, которые включают тот или иной из этих аспектов. Переходность, актантуальные структуры или лексикальные таксономии связаны с референциальным измерением, тогда как образ действий, система модальностей или дейксисов человека соотносятся с поведением собеседников.

⁹ См.: *Brossard M. Développement cognitif, langage et classes sociales : quelques hypothèses // La Pensée. 1976. N 190. P. 5—16.*

¹⁰ См.: *Wittgenstein L. Investigations philosophiques. Paris, 1961.*

Эти два компонента языка Холлидей называет соответственно понятийным и межличностным¹¹. В некотором смысле здесь фиксирована объективация функций в категориях грамматики. Это объясняет то, почему сомнительно, что формальные языки могли бы послужить единственной парадигмой для изучения естественных языков¹².

Если принять, что эта координация кладет начало развивающемуся процессу, ведущему к наиболее сложным аргументированным способам действий — к естественной логике речевой деятельности¹³, то надо признать, что в настоящее время существует «*philum cognitiv*», в некотором смысле параллельный традиционно изученной в психологии интеллектуального развития способности понимания. Назовем «когнитивными структурами взаимодействия» и «эпистемическими когнитивными структурами» эти две модальности познавательной способности. Проблема отношений между языком и когнитивными процессами может потому быть поставлена как соединяющая три, а не два термина, а значит и три отношения:

а) между языком и когнитивными структурами взаимодействия;

б) между языком и эпистемологическими когнитивными структурами;

в) между когнитивными структурами взаимодействия и эпистемологическими когнитивными структурами.

В таком случае понятие «отношение» должно пониматься в довольно широком смысле. Оно, в частности, объединяет отношения пресуппозиции (например, в онтогенезе возникновения лингвистической структуры, предполагающей предварительное развитие когнитивной структуры взаимодействия). В плане исследования процессов развития обращение именно к этим отношениям дает наиболее сильные экспликативные возможности. В этой связи Олерон говорил об «инструментальных результатах»¹⁴ и убедил в том, что надо различать непосредственные инструментальные результаты и инструментальные результаты самого исследования. Такое различие характеризует различные способы опосредования языком когнитивных способностей субъекта, но оно может быть выражено в трех названных выше отношениях. Что

¹¹ См.: *Halliday M. A. K. Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning. L., 1978.*

¹² См.: *Grize J.-B. La construction du sens // Quaderni di semantica. 1985. T. VI. N 1. P. 64—70.*

¹³ См.: *Grize J.-B. De la logique à l'argumentation. Genève, 1982.*

¹⁴ См.: *Oléron P. Langage et développement mental. Bruxelles, 1972.*

касается пункта (в), то здесь непосредственные инструментальные результаты состоят, например, в использовании языка для кодирования ситуации-проблемы и для распределения информации по категориям, для запоминания и, значит, решения. Следовательно, они ставят на повестку дня вопросы информационного подхода. Инструментальные результаты опыта затрагивают субъекта и проявляются в форме отношений или частных способов действий в условиях ситуации-проблемы. Здесь, следовательно, налицо повторение практики, но которая уже более или менее основательно трансформировала субъект.

По-моему, изучение первых этапов языкового развития ребенка, рассматриваемое в когнитивном, социальном и семиологическом планах, весьма значимо для философии языка. Наше короткое сообщение имело единственной целью представить аргументы в пользу этого мнения.

Е. Лепор

ФИЛОСОФИЯ ПАТНЕМА И РЕАЛИЗМ *

Согласно заявлению Хилари Патнема, метафизический реализм (МР) доминировал в философии во все времена (по крайней мере, до Канта)¹. Его можно обнаружить в работах Платона, Аристотеля, Декарта и Локка. В XX столетии явными сторонниками его были Рассел и ранний Виттгенштейн (согласно общепринятой интерпретации последнего), а в наши дни его придерживаются Майкл Девиитт, Хартри Филд, Кларк Глаймор и Дэвид Льюис². Что касается самого Патнема, то он, по его собственным словам, тоже был сторонником МР, хотя и не явным³, но позже убедился в его несостоятельности⁴. Он хочет заменить его другой разновидностью реализма, внутренним реализмом (ВР), реализмом с «человеческим лицом». Патнем утверждает, что МР предполагает такое представление о взаимосвязи между мы-

* Перевод с английского Ю. М. Мешанина.

¹ См.: Putnam H. Meaning and the moral sciences. L., 1978. P. 1.

² См.: Devitt M. Designation. N. Y., 1984; *Idem*. Realism and truth. Princeton, 1984; Field H. Tarski's theory of truth // Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69. P. 347—375; *Idem*. Realism and relativism // *Ibid*. 1982. Vol. 79. P. 553—567; Glymour C. Conceptual scheming or confessions of a metaphysicalist realist // Synthese. 1982. Vol. 51. P. 169—180; Lewis D. Putnam's paradox: Collected Papers. Oxford, 1987. Vol. 2.

³ См.: Putnam H. Realism and reason: Philosophical Papers. Cambridge, 1983. Vol. 3. P. VII.

⁴ См.: Putnam H. Meaning... P. 124.

слением (или языком) и действительностью, которое в корне неверно, ибо открывает путь к неприемлемому воззрению на природу истины и к пагубным дихотомиям. Напротив, ВР сохраняет в себе научные аспекты реализма, отказываясь одновременно от метафизических аспектов. Итак, Патнем охарактеризовал МР, предъявил ему обвинительное заключение и представил в общих чертах альтернативу — ВР. Но справедливости ради надо отметить, что Патнем не сумел убедить большинство метафизических реалистов в ошибочности их воззрений. Обычная их реакция на его аргументы — недоумение. По мнению многих, Патнем отрекся от своих собственных реалистских достижений (один из его прежних учеников даже назвал его ренегатом⁵) во имя туманных, некоторые бы даже сказали квазимистических, идей. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы несколько рассеять это недоумение, предложив собственное толкование движения Патнема от метафизического реализма к внутреннему реализму.

1. НАУЧНЫЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Ван Фраасеен⁶ характеризует НР следующим образом: «Наука стремится дать в своих теориях истинную в буквальном понимании этого слова картину того, что собой представляет мир; принятие же той или иной научной теории предполагает убежденность в ее истинности»⁷. Патнем согласился бы с этой характеристикой, добавив лишь, что иногда у нас имеются веские основания считать, что научные теории, особенно теории в зрелых науках, истинны или почти истинны и что постулируемые ими сущности существуют. Истинность теории не зависит от наших мнений о ней. Веские доводы в пользу истинности той или иной теории, которыми мы располагаем сегодня, не гарантия того, что она истинна или почти истинна. Любая теория, которую мы в настоящее время признаем истинной, может быть отвергнута, и для этого найдутся веские основания. Теории, последовательно сменяющие друг друга, можно рассматривать как все большее приближение к истине. Так, теория Бора, предложенная им в 1934 г., ближе к истине, чем его же теория 1912 г. Чтобы проводить такие сравнения, необходимо исходить из предположения, что термины теорий, сменяющих

⁵ См.: Devitt M. Realism...

⁶ См.: Fraassen B. van. The scientific image. Oxford, 1980.

⁷ *Ibid*. P. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

РАЗДЕЛ I

Гончаров С. С., Ершов Ю. Л., Свириденко Д. И. Семантические основы логического программирования	6
Бессонов А. В. Фрегевская концептуализация логико-семантической теории (критический анализ)	20
Вандервекен Д. Небуквальные речевые акты	31
Апотелоз Д. Язык, мышление и референция	61
Лепор Е. Философия Патнема и реализм	70
Поляков И. В. Парадигмы в философии языка: семантический анализ	91

РАЗДЕЛ II

Лукманн Т. Конституирование языка в повседневной жизни . .	120
Клевакина Е. Б. Истина, значение и речевая деятельность . .	139
Пенг Ф. Сопоставление социолингвистики и нейролингвистики: к теории социо-нейролингвистики	147
Разумовский О. С. Логика концептуализации и теоретизации в контексте развития теории	163
Карпович В. И. Соотношение холизма и индивидуализма как методологических позиций в марксистском объяснении практики	174
Горан В. П. Концептуальное содержание и социогенная природа древнемесопотамских и древнеегипетских представлений о судьбе	186
Израилевский А. М., Поляков И. В. Парадигмы или эпистема? («Тихая» революция постпозитивизма и методологические дебаты в современной западной теоретической социологии)	209
Петров В. В. Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления	227
Деянов Деян. Несопизмеримость и логические традиции	233

Научное издание

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И СМЫСЛ

Редактор издательства Ю. П. Бубенков

Художник А. И. Смирнов

Технический редактор А. В. Сурганова

Корректоры О. Л. Шабалина, С. В. Блинова

ИБ № 34865

Сдано в набор 10.01.89. Подписано к печати 16.01.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 14,1. Тираж 2700 экз. Заказ 552. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.